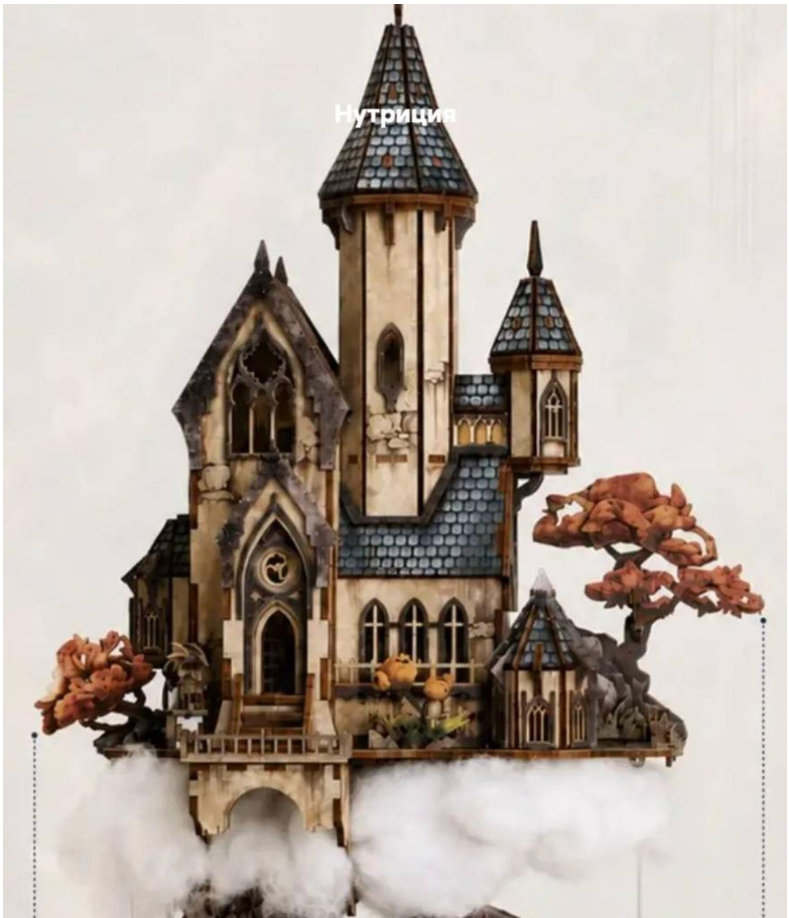

Парящий замок

Нутриция Нутриция
Парящий замок

https://litres.ru/74984454
SelfPub; 2026

Аннотация

Я самая обычная медсестра из детского дома, и вдруг узнаю, что я из другого мира — мира, где у меня есть родные. Только вот какие они, эти родные? Кругом магия, драконы — попробуй тут разобраться, кто прав, а кто нет. А дракончик, между прочим, ничего так.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 24
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Нутриция
Парящий замок

Глава 1

Утро никак не хотело становиться добрым — будто цеплялось за остатки ночи, тяжёлые и вязкие, как остывший мёд. Я едва разлепила глаза, а перед внутренним взором всё ещё стоял тот самый дом — ветхий, покосившийся, будто приросший к земле и давно смирившийся со своей старостью. Доски потемнели от дождей и времени, коегде проглядывала труха, а крыша, казалось, вотвот сдастся под тяжестью осенних туманов.

А калитка… Брр. Её ржавые петли выводили ту самую протяжную ноту — то ли стон, то ли зов. Она чуть приоткрылась, будто приглашая, а может, и вовсе маня внутрь, туда, где пахло сыростью, пылью и чемто давно забытым. Мурашки бежали по коже, цепляясь за каждую волосинку, и никак не хотели униматься. Даже сейчас, сидя на кухне и грея ладони о чашку остывающего чая, я всё ещё слышала этот скрип — он будто застрял гдето между сном и явью.

«Да ты просто переутомилась», — сказала бы моя подруга Нинка, закатив глаза и усмехнувшись. Она всегда смеётся надо мной, ласково, но уверенно: «Ну ведьма ты, ведь-

ма, только метлы не хватает!» И пусть смеётся. Пусть считает это причудами, игрой уставшего воображения. Но дело в том, что мои «причуды» имеют привычку сбываться. То мелькнёт в голове неясный образ, то приснится нелепица какаято, а через день — раз, и всё складывается ровно так, как виделось. И от этого становится не столько страшно, сколько странно: будто я подглядываю в щёлочку в будущее, а оно каждый раз приоткрывается чуть шире, чем мне хотелось бы.

И что с этим делать? Не знаю. Прятать эти видения, как постыдную тайну? Или, наоборот, учиться их слушать, разбирать по косточкам, пытаться понять, что они хотят сказать? Пока я просто сижу, сжимаю тёплую чашку и думаю.

Я встала изза стола, потянулась, будто пытаясь стряхнуть с плеч остатки этого тягучего, тревожного утра, и побрела одеваться. Мысли всё ещё путались, цеплялись за тот скрипучий домик из сна, но часы на стене не спрашивали про сны — они просто тикали, напоминая, что на работу опаздывать нельзя.

Вышла из квартиры, закрыла дверь — и тут же, будто сама судьба решила добавить драмы, выронила ключи. Они звякнули, отскочили и полетели вниз, в тёмный пролёт между этажами. Звук разнёсся по подъезду, как раскат маленького, но очень неприятного грома.

Из соседней квартиры тут же выглянула баба Маша — этакая хранительница подъездного спокойствия, которая

знает, кто когда пришёл, кто сколько пакетов принёс и у кого слишком громко щёлкает замок. Лицо у неё было такое, будто она лично отвечает за тишину в доме и сейчас готова выписать штраф за каждый лишний децибел.

— Ирка, ты что ли шумишь? Чего с утра тут устроила? Хлопаешь дверьми, теперь гремишь… — голос у бабы Маши был такой, что им можно было гвозди забивать.

Я вздохнула — глубоко, так, чтобы хоть немного удержать внутри раздражение.

— Баб Маш, да я нечаянно ключи уронила. И дверьми не хлопала, честное слово.

Она только фыркнула, будто мои слова были не оправданием, а ещё одним доказательством моей невоспитанности.

— А ты ещё и огрызаешься! — отрезала она. — Вот поколение, невоспитанное… Хотя тебято и воспитывать некому, вот и выросла хамкой.

И с силой захлопнула дверь. Грохот отозвался эхом по всему подъезду — ирония момента была настолько густой, что её можно было ложкой есть. Я посмотрела на закрытую дверь, потом вниз, в пролёт, где поблёскивали мои ключи, и чуть не рассмеялась сквозь усталость. Ну и кто тут дверьми хлопает, спрашивается?

Я пошла вниз за ключами, и пока спускалась по старым ступеням, каждая из которых будто помнила сотни таких же торопливых шагов, мысли сами собой потянулись в прошлое. Да, выросла я в детдоме. Тяжко, конечно, приходилось

— не буду притворяться, что всё было как в доброй сказке. Но хамкой я никогда не была. Наоборот — росла тихим, спокойным ребёнком: никуда не лезла, ничего не требовала, старалась быть незаметной, будто если буду слишком сильно хотеть, чтобы меня заметили, желание рассыплется, как сухой песок. Меня любили воспитатели — по-своему, строго, но с теплом, и этого хватало, чтобы не чувствовать себя совсем одинокой.

Именно там я и познакомилась с Нинкой. Мы как-то сразу друг друга поняли — без лишних слов. Потом вместе отучились в медицинском колледже, бок о бок, плечо к плечу, делили и конспекты, и бутерброды, и мечты о будущем. Сейчас мы всё ещё дружим, хоть и встречаться стали реже. Нинка выскочила замуж, и теперь они с мужем ждут ребёночка. Сердце радуется за неё, искренне, до слёз, но по нашим прежним посиделкам с чаем и бесконечными разговорами до утра я скучаю. Зато созваниваемся частенько — и этого уже хватает, чтобы чувствовать: она рядом, даже если между нами километры будней.

Эту однушку в пятиэтажке мне выдало государство. Состояние у неё было такое, что хотелось то ли плакать, то ли смеяться: облупившиеся стены, скрипучий пол, окна, которые будто сами мечтали выпасть наружу. Но мы с Ниной всё выдраили, выскребли, перекрасили, переклеили. Работали до поздней ночи, смеялись над тем, как у нас всё криво, и снова переделывали. И когда наконец всё стало своим, уют-

ным, тёплым — я была счастлива. По-настоящему.

А теперь вот бегу на работу — в соседнюю поликлинику, где я тружусь медсестрой. Глянула на часы — и сердце ухнуло куда-то вниз. Блин, могу опоздать! Подхватила ключи, выскочила на улицу — и тут же ледяной ветер ударил в лицо, а сверху будто кто-то опрокинул ведро с водой: мелкий, колючий дождик начал моросить, впиваясь в кожу холодными иголочками.

— Ну блин, — простонала я, запрокинув голову и тут же пожалев об этом — капли тут же скатились за воротник. — Ну не обещали же дождь!

За зонтом возвращаться уже поздно. Ладно, решила я, стиснув зубы и плотнее запахнув куртку, — побегу так. Пусть дождь промочит, пусть ветер сбивает с шага, пусть утро складывается не по плану. Всё равно добегу. Всё равно успею.

Я почти подбежала к остановке — и в тот самый миг, когда уже тянула руку, будто хотела удержать этот автобус, двери с тяжёлым вздохом сомкнулись. Он фыркнул, качнулся и поехал, увозя с собой мои надежды успеть вовремя.

Я опустилась на лавку, прижала к груди сумку, будто она могла удержать рассыпающийся день, и глубоко вздохнула. Да, опоздаю. Следующий автобус теперь не раньше чем через двадцать минут. Время вдруг стало тягучим, как остывший сироп, и вместо того чтобы подгонять, оно будто нарочно растягивалось, давая мыслям вырваться наружу.

И они хлынули — не потоком даже, а целой рекой воспоминаний. После детдома мы все искали своих. Это было как тихий, но упрямый ритуал: выспрашивать у воспитателей, надеяться на чудо. Нинка своих нашла. У неё отец давно умер, а мать… ну, жизнь её не пощадила. Нинка рассказывала про неё без злости, скорее с какой-то усталой жалостью: «Видок у неё закачаешься…» А я своих так и не нашла.

Меня принесли в новогоднюю ночь и просто положили на лестнице — будто оставили под ёлкой, как забытый подарок. Директор потом много раз повторяла эту историю, словно пыталась сложить из скупых деталей хоть какую-то картину моей жизни. Говорила, что колыбель была необычная — резная, ручной работы, дорогая. И пелёнки — из хорошей, дорогой ткани. «Ты точно из богатой семьи», — говорила она, будто это могло что-то объяснить.

А ещё в колыбели лежал кулон. Его директор отдала мне на выпускном. «Храни это, твоё», — сказала строго, будто передавала не украшение, а какую-то важную тайну.

Кулон был серебряный, в виде капли. С одной стороны камень переливался всеми цветами сразу — то ли аметист, то ли опал, я так и не поняла, какой это был камень. Он будто ловил свет даже в полумраке комнаты, играл им, прятал и снова выпускал наружу. А с другой стороны была гравировка — дракон. Тонкая, изящная, но такой живой, что казалось, будто он вот-вот расправит крылья и взлетит прямо с серебра.

С того дня я его почти не снимала. И странное дело: когда он был на мне, я чувствовала себя будто под невидимым щитом. Не то чтобы я верила в магию или что-то такое… Просто становилось спокойнее, будто кто-то тихо шептал: «Всё будет в порядке». И я цеплялась за это ощущение, как за ниточку в темноте.

Дождь тем временем стал тише, но ветер всё ещё гулял по улице, срывая с крыш последние капли и швыряя их в прохожих. Я потрогала кулон сквозь ткань куртки — он был тёплым, будто хранил в себе кусочек того самого утра, когда директор вручила его мне.

«Ладно, — подумала я, глядя на часы и понимая, что бороться с этим днём бесполезно, можно только идти сквозь него. — Опоздаю, ну и пусть.

Автобус наконец подъехал — дверья распахнулись с привычным вздохом, будто и он устал от этого промозглого утра. Я заскочила внутрь, прижалась к поручню, чтобы не упасть на резком старте, и выдохнула: хоть что-то сегодня пошло по плану.

В поликлинике всё закрутилось привычным вихрем: запах антисептика, тихий гул аппаратуры, быстрые шаги по коридору. Как только я зашла в сестринскую и начала переодеваться, дверь приоткрылась, и заглянула Светлана Петровна — моя начальница. Взгляд у неё был строгий, но не злой — скорее усталый, как у человека, который с утра уже раз десять всё пересчитал и теперь просто хочет, чтобы день шёл

ровно.

— Ира, ты опять опоздала, — покачала она головой, но тут же махнула рукой, будто сама себе сказала: «Ладно, не до нотаций». — Давай переодевайся и дуй к главврачу. Он тебя ждёт.

Я застыла, пальцы так и замерли на пуговицах халата. В груди всё сжалось, а мысли метнулись в самое страшное: «Лишусь работы… А тут хоть платили немного, но это моё место. Тут все свои, мы как одна большая семья. Пациенты меня знают, я их всех знаю…»

— Изза опозданий? — пролепетала я. — Светлана Петровна, я не буду больше, правда! Ну вот автобус ушёл…

Она меня перебила, мягко, но твёрдо:

— Нет, Ирин, не изза опозданий. Сама не знаю, зачем. Просто позвонил и сказал: «Самойлову ко мне». Иди давай.

Переоделась я на автомате — руки будто сами знали, что делать, а голова всё ещё кружилась от непонятной тревоги. На ватных ногах пошла по знакомому коридору, мимо кабинетов, где за дверями привычно шелестели голоса, шуршали бумаги, кто-то тихо стонал, кто-то благодарил. Всё было как всегда — и от этого контраст с моим внутренним дрожанием становился ещё острее.

У двери кабинета главврача я остановилась на секунду, потрогала сквозь ткань кулон — он был на месте, холодный и твёрдый, как маленький якорь. «Всё будет в порядке», — шепнуло что-то внутри, и я постучала.

— Пётр Андреевич, здравствуйте. Вызывали? — спросила, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Пётр Андреевич был именно таким, каким его все знали: большой, седой, в очках, строгий, но справедливый. Он не любил суеты, не терпел пустых оправданий, но и не наказывал просто за то, что день не задался.

— Да, звал, Самойлова. Садись, — кивнул он, указывая на стул.

Я прошла в кабинет, опустилась на край сиденья, выпрямив спину, будто это могло добавить мне уверенности. И только тут заметила, что напротив сидит ещё один мужчина — незнакомый. В дорогом костюме, с папкой в руке. Взгляд у него был внимательный, спокойный, будто он привык считывать людей с первого взгляда.

Он чуть наклонил голову, будто хотел чтото сказать, но пока не спешил. А я сидела, сжимая в пальцах край халата, и пыталась унять дрожь: что им нужно? Почему меня вызвали?

Меня зовут Афанасий Петрович я поверенный. И он протянул мне бумаги.

Я взяла листы дрожащими руками — бумага казалась непривычно тяжёлой, будто в каждом слове пряталась целая жизнь, которую я не прожила. Глаза бегали по строчкам, цеплялись за слова, а смысл доходил медленно, как сквозь вату. И вдруг всё сложилось.

«У вас есть бабушка… живёт в далёкой деревне… давно

искала… сейчас болеет…»

Внутри всё оборвалось. Я подняла глаза на поверенного — на этого спокойного мужчину в дорогом костюме, который сидел так ровно, будто каждый его жест был заранее просчитан.

— Это шутка, да? — прошептала я, и голос прозвучал чужим, тонким, как натянутая струна.

— Нет, Ирина Васильевна, не шутка, — спокойно ответил он, чуть наклонив голову. — Мы вас очень долго искали. Ещё до того, как ваша бабушка заболела. А нашли только сейчас.

Я встала резко, будто стул вдруг стал чужим и колючим. В груди всё сжалось, и слова сами сорвались с языка:

— Я не поеду никуда.

Пётр Андреевич, до этого молча наблюдавший за нами, тяжело вздохнул и посмотрел на меня так, как смотрят на человека, которому вот-вот предстоит шагнуть в темноту.

— Ирин, ты не руби с плеча, — сказал он мягко, но твёрдо. — Я знаю твою историю. Даю тебе неделю отпуска. Съезди, навести бабушку. Может, и увидеть её успеешь.

— Мне не нужен отпуск, — проговорила я, сама не узнавая свой голос. И тут почувствовала, как кулон под халатом вдруг нагрелся — не просто стал тёплым, а будто вспыхнул, обжёг кожу сквозь ткань. Он горел, как маленький упрямый огонёк, и это было так странно, что на секунду я забыла даже, где нахожусь.

Поверенный чуть сдвинул папку, будто давая мне время, и спокойно добавил:

— Вы, Ирина Васильевна, подумайте хорошо. Неужели не хотите узнать, что стало с вашими родителями?

— Они меня бросили. Зачем мне про них узнавать? — сказала я жёстко, чтобы не дать себе дрогнуть.

— Хорошо. Как хотите. В любом случае, я должен был вас всего лишь уведомить. Вот тут подпишите. И эти бумаги — ваши.

Я поставила подпись почти не глядя, схватила бумаги, будто они могли тут же исчезнуть, если я их не удержу. И услышала, как Пётр Андреевич вдруг твёрдо произнёс:

— Самойлова, ты в отпуске с сегодняшнего дня. И да, не неделю. Я передумал. Две недели. Ты и так два года в отпуске не была. Вот и отдохни.

Я кивнула, не поднимая глаз, пробормотала «спасибо» и вышла, стараясь не хлопнуть дверью. В коридоре пахло привычным больничным спокойствием, но для меня сейчас всё казалось чужим и зыбким, будто я шла по льду, который вот-вот треснет.

В сестринской я переодевалась на автомате: халат, куртка, шарф — всё как обычно, только движения были какими-то чужими, будто тело помнило, что делать, а голова всё ещё не могла поверить. Вышла из поликлиники — и ледяной ветер тут же ударил в лицо, но я почти не почувствовала холода. Дождь уже кончился, только капли висели на козырьках, на

проводах.

Достала телефон, пальцы чуть дрожали, пока нажимала на контакт. Гудок. Второй. Третий.

— Алло, Ир? Ты чего? Что-то случилось? — голос Нинки был таким родным, таким живым, что у меня вдруг защипало в глазах.

И я выдохнула, будто до этого держала всё внутри, боясь, что если открою рот — всё просто хлынет наружу.

— Нинка… — проговорила я и запнулась, потому что слова вдруг стали тяжёлыми, как те бумаги в моей сумке. — Тут такое… Мне только что сказали, что у меня есть бабушка. Она болеет. И она меня искала. И ещё… они хотят, чтобы я узнала про родителей. А я не хочу. Я вообще ничего не хочу.

Нинка помолчала секунду — совсем чуть-чуть, ровно столько, чтобы понять, что это не шутка и не какая-то очередная утренняя суета.

— Так, стой. Не двигайся. Или нет иди домой, садись, выпей горячего чая . Я сейчас не могу приехать, но я с тобой. Прямо вот здесь, в трубке. Как приедешь набери и расскажи всё по порядку. С самого начала. А потом мы вместе решим, что делать.

Я вернулась домой, сама не понимая как: ноги будто сами несли, а голова была где-то далеко, в том кабинете, рядом с папкой и строгим взглядом Афанасия Петровича. В квартире было тихо — слишком тихо после больничного гула, и эта

тишина давила, будто хотела заставить меня думать, а я как раз этого и не хотела.

На автомате налила чай, села на подоконник, прижала тёплую кружку к ладоням, будто она могла отогреть что-то внутри. За окном снова зарядил дождь — мелкий, упрямый, он стекал по стеклу кривыми дорожками, размывая очертания домов. Смотрела на эту серую пелену и чувствовала, как мысли наконец-то перестают метаться, как перепуганные птицы, и укладываются хоть в какой-то порядок.

Достала телефон, набрала Нинку. Она взяла сразу.

— Ну давай, рассказывай, что там случилось, — голос у неё был бодрый, но не настырный, а такой, будто она одной рукой держит телефон, а другой — меня, чтобы я не провалилась куда-нибудь в эту тишину.

И я снова всё выложила: про поверенного, про бумаги, про то, как кулон вдруг вспыхнул жаром, про слова Петра Андреевича про отпуск. Рассказывала уже спокойнее, без срывов, будто сама история, выговоренная второй раз, становилась чуть менее острой, как нож, который завернули в мягкую ткань.

Нинка помолчала, когда я закончила. Не долго, но так, что я почувствовала, как она складывает всё это у себя в голове, примеряет к моей жизни, к нашим разговорам, к тому, сколько лет я вполголоса говорила, что хотела бы хоть что-то узнать про родителей.

— Знаешь, — сказала она наконец, и в голосе её не бы-

ло насмешки, только твёрдость подруги, которая видит тебя насквозь, — бери билет и езжай в эту деревню. Ты же столько лет мечтала хоть что-то про них узнать. Вот и узнаешь, что случилось. Да и, может, наследство какое перепадёт. Ну сколько можно пахать за гроши в больнице? Так и жизнь пройдёт. А отпуск у тебя есть — что дома сидеть будешь?

Я вздохнула, провела пальцем по краю кружки, где уже остыла пенка.

— Я не хочу, Нин. Понимаешь… Мне сон приснился такой странный, про ветхий домик, калитка скрипела… И сейчас всё это как будто из того сна вылезло. Как-то не по себе.

— Ой, ну ты опять ведьмочку включаешь, — в её голосе мелькнула привычная усмешка, но тут же смягчилась. — Перестань. Это просто деревня, просто бабушка, просто бумаги. Никакой мистики. Ну, разве что в духе старых детективов — а это даже классно. Я бы с тобой рванула, если бы не мой животик. Прямо как в книгах: едем, распутываем, пьём чай из самовара…

Я невольно улыбнулась, хоть и не хотела.

— Ладно, — проговорила я, сдаваясь не столько её доводам, сколько тому, что сидеть и смотреть на дождь становилось невыносимее, чем ехать куда-то. — Ты права. Сейчас куплю билет. Там ещё название деревни какое-то странное было… Живино или Дивное… Сейчас посмотрю в бумагах.

Открыла папку, пальцы снова чуть дрогнули, но уже не от

страха, а от этого странного, колючего чувства, когда стоишь на пороге чего-то большого. Пробежала глазами по строчкам.

— Дивное, — прошептала вслух. — Деревня Дивное.

— Слышу, ты уже в процессе, — захихикала Нинка в трубке. — Ну вот, дело пошло. Напиши мне, какой билет возьмёшь, я буду следить, чтобы ты не передумала. И, Ирк… если ночью опять что-то приснится — сразу звони. Даже если просто хочется поболтать про самовары. Договорились?

— Договорились, — тихо сказала я и впервые за день почувствовала, что делаю шаг не в пустоту, а куда-то, где меня ждут. Пусть даже это «ждут» — только Нинка на том конце провода.

Пальцы уверенно скользнули по экрану телефона, открывая приложение с билетами. Ввела «Дивное», выбрала ближайший рейс, проверила время, нажала «Купить». Экран моргнул, появилась надпись «Билет оплачен», и я вдруг выдохнула — будто только сейчас поняла, что решилась.

— Всё, — сказала в трубку, и голос прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Билет есть. Выезжаю завтра.

— Вот и умница, — проговорила Нинка, и в её голосе я услышала то самое тепло, которое не даёт провалиться в темноту. — Я горжусь тобой. А теперь завари себе ещё чаю, посиди, посмотри на дождь. Он скоро кончится. А ты — ты справишься.

Я снова посмотрела в окно. Дождь и правда будто стал

слабее, капли уже не били в стекло, а тихо стекали, как слёзы, которые наконец-то перестали жечь. Кулон под кофтой был тёплым — не горячим, не кричащим .

Я решила собирать сумку. Она получилась небольшая — я специально не брала лишнего: джинсы, свитер потеплее, сменное бельё, зубную щётку.

Сходила в магазин, набрала еды в дорогу: пару бутербродов, термос с чаем, яблоки, шоколадку — ту самую, с орешками, которую всегда беру, когда хочется хоть какой-то привычной опоры. На кассе кассирша посмотрела на меня чуть удивлённо — наверное, вид у меня был такой: решительный, но будто я сама себе не верю, что всё это правда.

— Вы куда то едите ? Далеко ? — спросила она, пробивая покупки. — Далеко, — ответила я и даже улыбнулась чуть-чуть. — Сначала сутки на поезде, потом целый день на автобусе.

Кассирша только плечами пожала. — Ну, хоть чаю возьмите. В дороге самое то.

Я кивнула, поблагодарила, схватила пакет и пошла.

А ночь… ночь была тяжёлой. Тревога не уходила, сидела где-то под рёбрами, тихая, но упрямая, как сквозняк из щели. Я ворочалась, натягивала одеяло до подбородка, потом сбрасывала — было то холодно, то жарко. И снова снился тот дом. Ветхий, тёмный, будто выросший прямо из тумана. Калитка скрипела — этот звук въедался в уши, тянулся длинной нотой, и мне казалось, что если я не войду, то случится

что-то плохое. А если войду — тоже. Просыпалась в холодном поту, смотрела в темноту комнаты, пыталась поймать дыхание и снова засыпала, чтобы опять увидеть тот же сон.

Утром встала с ощущением, будто не спала вовсе, а просто лежала с закрытыми глазами и слушала этот бесконечный скрип. Но собираться было надо. Проверила сумку, переложила термос, ещё раз глянула на бумаги — название деревни «Дивное» теперь будто отпечаталось у меня под веками.

На вокзал шла быстро, почти бежала, будто если буду медлить — вдруг пойму, что это безумие, и развернусь. Но не развернулась. Нашла свой вагон, села у окна. Поезд ещё не тронулся, но уже гудел, вздыхал, будто тоже не очень понимал, куда мы едем, но знал, что пора.

Соседка по купе, пожилая женщина в тёплой шали, посмотрела на меня внимательно, будто читала по лицу, и спросила тихо: — Впервые в путешествие? — Впервые, — ответила я честно. — И наверное далеко едешь , — покачала она головой. — Но знаешь, бывает, что самые длинные дороги ведут туда, где тебя давно ждут.

Я не нашлась, что ответить, только кивнула. А потом поезд дёрнулся, загудел, и мы поехали. Окно стало отражать не перрон, а моё собственное лицо — усталое, напряжённое, но с каким-то новым, упрямым огоньком в глазах.

Пока колёса стучали по стыкам, я достала термос, налила чай, откусила бутерброд, но почти не чувствовала вкуса. Мысли крутились вокруг одного: что я найду в Дивном?

Больную бабушку, которая столько лет меня искала? Ответы на вопросы, которые я боялась задавать? Или просто старую, пустую историю, которая ничего не изменит?

И только кулон, лежавший под свитером, тихо грел кожу — не обжигая, как тогда в кабинете, а ровно, спокойно.

Поезд мерно покачивался, колёса выстукивали свою бесконечную песню. Я сидела у окна, смотрела, как за стеклом мелькают леса, поля, редкие станции с покосившимися навесами и одинокими фонарями. Пейзаж был какой-то серый, осенний, будто природа сама решила надеть самое спокойное платье, чтобы не пугать меня по дороге.

Достала телефон. Экран засветился, и тут же выскочило несколько сообщений от Нинки. Сначала — смешной мем: кот в шляпе, с видом великого детектива, и надпись: «Ты там распутываешь тайны рода Самойловых. Держи лицо серьёзным!» Я невольно улыбнулась — впервые за день улыбка получилась не натянутой, а настоящей, тёплой.

Потом ещё одно: «Ну как ты там? Не спишь? Если спишь — не отвечай, только не падай с полки! Если не спишь — скажи хоть слово, а то я тут волнуюсь».

Я быстро набрала: «Еду. За окном поля, леса, тишина. В голове тоже потихоньку становится тише. Спасибо за кота. Он мне тут очень кстати».

Ответ пришёл почти сразу: «Ура! Значит, не превратилась в каменное изваяние от тревоги. Держи меня в курсе. И если там будет самовар — сфоткай, я завидую! Хочу хоть глаза-

ми посмотреть на эту деревню-загадку. И ещё: если бабушка будет предлагать блины — бери. Даже если не хочешь. Это ритуал!»

Я рассмеялась уже вслух, и соседка по купе — та самая женщина в тёплой шали — тоже чуть улыбнулась, не навязчиво, а так, будто ей приятно, что в вагоне стало чуть светлее от чужого смеха.

— Подруга подбадривает? — тихо спросила она. — Ага, — кивнула я. — Мы с ней ещё с колледжа всё вместе. Она сейчас ждёт ребёнка, а сама всё равно умудряется быть бодрее меня. — Это хорошо, когда есть такой человек, — проговорила женщина и поправила шаль. — Дорога длинная, а когда знаешь, что тебя ждут хотя бы на том конце телефона — она короче становится.

Я снова посмотрела в окно. Там уже темнело, небо наливалось фиолетовым, а редкие огоньки в полях казались крошечными маячками.

Написала Нинке: «Тут закат такой красивый, будто кто-то разлил по небу акварель. И попутчица у меня хорошая, говорит, что дорога короче, если знаешь, что тебя ждут. Ты меня ждёшь, да?»

Через минуту пришёл ответ: «Конечно! Я тут сижу, чай пью, живот глажу и думаю: вот бы Ирка сейчас тоже горячего чаю выпила. И не вздумай там быть героиней. Если будет тяжело — просто позвони. Или вообще не говори ничего, я просто посижу на линии и побуду рядом. А про самовар не

забудь!»

Я спрятала телефон, чтобы не разрядился, и достала термос. Налила чай, вдохнула этот уютный, домашний запах — и он вдруг напомнил мне, как мы с Нинкой в колледже грели чай на маленькой плитке в подсобке, когда дежурства были особенно длинными. Как она всегда говорила: «Ещё одна чашка — и мы справимся».

Глава 2

Автобус в деревню Дивное отходил прям с вокзала и я на него села без всяких проблем. Его трясло на колдобинах, и я вцепилась в поручень, будто он мог удержать не только меня, но и всё моё сомнение, которое с каждой минутой становилось всё тяжелее. Народу правда было мало: бабушка с внуком, да мужчина, который то пел себе под нос, то вдруг начинал болтать без умолку. Сначала я старалась не смотреть на него, делать вид, что читаю что-то в телефоне, хотя экран был просто чёрным — я просто пряталась за ним.

Потом мы остановились у какой-то деревушки, бабушка с мальчиком сошли, и в салоне стало совсем тихо. Только мотор гудел, да ветер стучал в стекло. И вот тогда мужчина будто почувствовал, что тишина — это приглашение к разговору. Повернулся ко мне, прищурился, будто пытался разглядеть во мне что-то интересное:

— А вы, барышня, далеко едете?

— В Дивное, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, будто я тысячу раз ездила по этой дороге.

— Дивное? — он нахмурился, будто перебирал в голове названия, а потом вдруг расхохотался, громко, хрипло, и от этого смеха по спине пробежал неприятный холодок. — Да я что-то и не знаю такой деревни.

— Ну как же, это конечная этого маршрута, — сказала я,

уже чувствуя, как внутри всё сжимается.

Он только рукой махнул, снова засмеялся:

— Нет, девушка, вы, наверное, не туда сели. Тут Васильево — конечное. Я там и сойду.

Я смотрела на него и пыталась понять: он правда не знает или просто шутит так странно? Вид у него был неопрятный, глаза чуть мутные, и я решила, что, наверное, он и правда из-за этого не очень понимает, куда ведёт автобус.

Спустя какое-то время мы и правда приехали в Васильево. Мужчина вышел, ещё раз хохотнул на прощание, и я осталась в салоне одна. Тишина стала густой, почти осязаемой.

Водитель вышел из кабины, обошёл автобус, заглянул ко мне:

— Это вам, девушка, нужно в Дивное?

Я кивнула, не в силах выдавить ни слова.

— Знаете, там и нет-то уже никого, — сказал он уже без насмешки, скорее устало, по-свойски.

Я снова помотала головой: мол, не знаю, ничего не знаю.

— Ну, как хотите. Отвезу. Только имейте в виду: конечная там была давно. Пока деревня процветала — она большая была, на берегу речки, поля да луга — красотища. Народ жил, бед не знал. А потом… случилось что-то. Сам не знаю, толком не расскажут. Люди говорили, будто кто-то проклял деревню: скот дохнуть начал, река пересохла, люди болеть стали. Вот и разъехались все. Сейчас, может, и дом какой стоит, да вряд ли кто живёт.

Пока он говорил, мы снова тронулись. Сначала дорога ещё была — неровная, разбитая, но хоть какая-то. Потом она и вовсе пропала, и автобус пополз по заросшей колее, раздвигая кусты бампером, будто продирался сквозь чужую, упрямую тишину.

Два часа мы так ехали. Два часа, когда время будто растянулось и стало вязким, как смола. За окном мелькали серые кусты, голые деревья, какие-то покосившиеся столбы, будто остатки чьей-то прошлой жизни. Я смотрела на это и чувствовала, как сон про ветхий дом снова подбирается к краю памяти, шепчет: «Ты же знала, что так будет».

Наконец автобус остановился у заброшенной остановки — крыша провалилась, табличка с названием давно отвалилась, и только ржавые столбы напоминали, что когда-то сюда приезжали люди.

— Вот, — сказал водитель, выходя и открывая дверь. — Деревня за лесом, вон тем. Если хотите — сходите, посмотрите. А потом я вас обратно отвезу. Тут точно никого нет.

Я вышла, вдохнула сырой, пахнущий прелыми листьями воздух. Сумка показалась вдруг тяжёлой, будто набрала в себя всю эту дорогу.

— Я… я останусь, — проговорила я, сама удивляясь твёрдости своего голоса.

Водитель посмотрел на меня внимательно, без насмешки, будто оценивал, понимаю ли я, что делаю.

— Ладно. Держите мой номер. Если что — звоните, забе-

ру хоть ночью. Тут места тихие, но тихие по-своему.

Я взяла бумажку с номером, сунула в карман.

Автобус фыркнул, развернулся и поехал обратно, поднимая за собой облако пыли и сухих листьев. И когда он скрылся за поворотом, тишина обрушилась на меня — не пустая, а густая, звенящая, будто деревня дышала где-то рядом, за лесом, и ждала, когда я подойду ближе.

Лес стоял стеной: тёмные стволы, переплетённые ветки, мох на камнях. Я пошла по едва заметной тропинке, которая, казалось, сама появлялась под ногами. Сумка била по боку, ветер шевелил волосы, а кулон под свитером грел кожу — ровно, спокойно, без вспышек.

«Я справлюсь, — повторяла я про себя, шаг за шагом. — Даже если тут никого нет. Даже если это просто конец дороги. Я приехала. Я посмотрела. И если захочу — уеду

Тропинка вывела меня к тому, что когда-то было деревней. Прав был водитель: тут давно уже не жизнь, а её тень. Дома стояли, будто уставшие люди, склонившиеся друг к другу, чтобы не упасть совсем. Крыши провалились, брёвна посерели, кое-где стены и вовсе рассыпались в труху. Заборы местами сохранились — покосившиеся, с проломами, а местами и вовсе исчезли, будто их и не было никогда. Где-то между домами пробивалась высокая трава, а на месте бывших огородов рос густой кустарник.

«Прямо как в фильме ужасов», — мелькнуло в голове, и я невольно обхватила себя руками, хотя день был не холодный

— скорее сырой, промозглый, такой, что влага забирается под одежду и оседает где-то под кожей.

Я медленно пошла по бывшей улице, разглядывая остатки домов. По ним и правда можно было понять, что деревня когда-то была большой: широкие дворы, высокие крыльца, даже остатки резных наличников кое-где виднелись, будто деревня пыталась напоследок показать, какой она была красивой. Но теперь всё это выглядело не нарядным, а печальным, как старое платье, которое слишком долго висело в шкафу.

И вот что поразило больше всего — таблички с названиями улиц. Они висели на покосившихся столбах, а металл на них блестел так, будто его кто-то недавно начистил. Это было странно среди всей этой разрухи: будто кто-то специально поддерживал именно эти таблички, чтобы никто не забыл, где он находится.

Я шла, вглядываясь в надписи, и наконец нашла: «Улица Лесная». Табличка сверкала, как новенькая. Сердце забилось чуть быстрее, и я пошла дальше, к концу улицы, где, как мне казалось, должен был стоять тот самый дом.

И он был там. В самом конце, чуть в стороне от остальных, будто хотел быть отдельно, не смешиваться с этим общим распадом. Дом был именно таким, каким я видела его во сне: ветхий, тёмный, будто впитавший в себя всю эту заброшенность. Крыльцо покосилось, доски местами прогнили, а окна были тёмными, непроглядными — как пустые глаза.

А калитка… Она была приоткрыта. И даже с того места,

где я стояла, я слышала этот звук — тонкий, протяжный, будто стон, который тянулся из самого сердца дома. Он был точно таким же, как во сне: этот бесконечный, царапающий нервы скрип.

Ноги будто налились свинцом, и я остановилась, не в силах сделать ещё шаг. Кулон под свитером вдруг стал тёплым — не обжигающим, как в кабинете у главврача, а таким, будто пытался меня успокоить: «Я тут. Ты не одна». Я прижала ладонь к груди, чувствуя, как металл мягко греет кожу.

Достала телефон, пальцы дрогнули, набирая сообщение Нинке: «Я нашла улицу. И дом. Тот самый. Калитка скрипит, как во сне. Мне страшно, Нинка. Очень страшно».

Я нажала «Отправить», экран коротко моргнул, и в углу замигал значок: «Нет сети». Ни одной полоски. Будто эта деревня специально спряталась от всего мира — и теперь прятала меня.

Сообщение повисло серым, не ушло. Я ещё пару раз тыкнула, будто если нажимать сильнее, связь вдруг появится, а потом опустила руку. Телефон в ладони стал каким-то чужим, бесполезным.

— Ну вот, — прошептала я, и собственный голос прозвучал в этой тишине неожиданно громко, будто я нарушила какой-то важный запрет. — Даже Нинке не написать…

Я посмотрела на калитку. Она чуть покачивалась от ветра, и этот скрип, такой знакомый по снам, теперь звучал не как зов, а как предупреждение: «Осторожно. Тут всё по-друго-

му».

Глубоко вдохнула, задержала воздух на секунду, будто набиралась смелости из самого этого сырого, пахнущего прелой листвой воздуха. Потом протянула руку и осторожно, почти не дыша, толкнула калитку.

Она распахнулась с тем самым протяжным стоном — точно таким, какой я слышала каждую ночь. Доски под ногой скрипнули, будто дом вздохнул, принимая меня. Я шагнула на участок, огляделась: заросший сад, покосившиеся яблони, сухие ветки лежали на земле, как брошенные руки. К крыльцу вела узкая тропинка, протоптанная не людьми — скорее зверьем или ветром, который годами гнал по ней сухие листья.

Поднялась по ступенькам — они прогибались под весом, но держали. Остановилась у двери, где краска давно облупилась, а на косяке темнели какие-то выцарапанные знаки. Не буквы, не цифры — будто кто-то пытался оставить метку, которую поймёт только свой.

И тут дверь чуть дрогнула. Не распахнулась, не заскрипела — просто чуть шевельнулась, будто от сквозняка. Или будто кто-то изнутри приложил ладонь с той стороны и на секунду замер.

Я отступила на полшага, сердце заколотилось так, что в ушах зашумело.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнула я, и голос сорвался на хриплый шёпот. — Меня зовут Ирина. Я… я приехала.

Тишина ответила мне только шелестом листвы и тем самым скрипом калитки, который теперь казался почти насмешливым: «Ну вот, ты пришла. А дальше?»

И в этот момент из-за угла дома вышла женщина. Не бабушка из моих смутных ожиданий — а пожилая, в тёплом платке, с ведром в руке. Она остановилась, посмотрела на меня внимательно, без удивления, будто ждала, что кто-то появится.

— Ты долго шла, — сказала она спокойно, будто мы договаривались о встрече неделю назад. — Я уж думала, совсем не доберёшься. Заходи. Тут холодно стоять.

Она приоткрыла ветхую дверь, и я шагнула первой, в густую темноту прихожей. А потом, когда глаза привыкли, увидела совсем не то, чего ждала. Комната была огромной: снаружи дом выглядел на каких-нибудь десять квадратов, а здесь легко поместились бы все пять. И ещё эти двери в другие комнаты — будто дом прятал внутри себя целый маленький мир. Я стояла посреди комнаты и никак не могла уложить в голове, как так вышло: снаружи дом казался вот-вот рассыплется от ветра, а внутри… внутри было просторно, светло и тепло — будто я шагнула не через порог, а сквозь какую-то невидимую границу между двумя мирами.

— Всё как-то странно, — пробормотала я, оглядываясь.

— Давай, иди, — снова сказала женщина, уже ласково, без нажима, будто знала, что мне нужно время, чтобы поверить, что это не сон. — Не бойся.

Свет лился из окон — яркий, тёплый, как в солнечный летний день, хотя я точно знала: на улице пасмурно, холодно, осень. Этот свет будто не имел отношения к погоде за окном — он был своим, домашним.

Пахло выпечкой. Пирожками — точно пирожками, потому что они стояли на красивом резном столе, и от них шёл пар. Рядом уютно поблескивала новенькая печка, на окнах висели цветные занавески, чистые, выглаженные, будто их повесили только сегодня утром. Всё здесь было добротным, ухоженным, жилым — и это никак не складывалось с тем, что я видела снаружи. Казалось, будто кто-то взял самую уютную, самую тёплую часть чьей-то счастливой жизни и спрятал её в сердце ветхого дома.

— Проходи, Ирина, проходи, — снова проговорила женщина, чуть подтолкнув меня взглядом, не рукой — так, чтобы не спугнуть. — Вон руки мой, давай чай попьём. Всё расскажу.

Я послушно разулась, чувствуя, как с каждым шагом уходит напряжение из плеч. Подошла к раковине в углу, пустила воду, стала мыть руки. И тут ко мне подошёл кот — угольно-чёрный, большой, пушистый, невероятно красивый. Он мягко ткнулся в ногу, потом ещё раз.

— Ну наконец-то, — послышалось у меня в голове. Или нет? Я даже замерла с мокрыми руками.

— Что, простите? — обернулась я, глядя на женщину.

Та стояла и улыбалась, спокойно, без тени насмешки.

— Я ничего не говорила, — сказала она мягко.

— Да мне, наверное, послышалось, — проговорила я, сама себе не веря. Но это «наконец-то» звучало так ясно, будто его прошептали прямо в ухо.

Я вытерла руки о полотенце, которое лежало тут же, на краю раковины — мягкое, пахнущее сушёными травами. Села за стол. Напротив устроилась женщина. Кот сел на стул рядом со мной, положил лапы на край столешницы и уставился на пирожки, будто проверял, всё ли на месте.

Женщина подвинула ко мне чашку, налила чаю из пузатого чайника — пар поднялся тонкой струйкой, и вместе с ним будто ушла и последняя колючая тревога, что сидела внутри с самого утра.

— Пей, пока горячий, — сказала женщина и чуть наклонила голову, разглядывая меня не жадно, не с любопытством, а так, будто пыталась вспомнить что-то важное. — Ты долго добиралась.

Я обхватила чашку ладонями, чувствуя, как тепло медленно пробирается сквозь кожу, и наконец решилась:

— Вы… вы кто? Где моя бабушка?

Женщина не торопилась отвечать. Сначала пододвинула ко мне тарелку с пирожками.

— Сначала поешь. Дорога длинная, а ты, вижу, почти ничего не ела. А потом расскажу. Всё расскажу. И про бабушку. И про то, почему дом такой странный. И даже про то, что тебе «послышалось».

Кот тихо муркнул, будто подтвердил: «Да, сначала пирожок. Потом всё остальное».

Я взяла один пирожок — ещё горячий, с румяной корочкой. Откусила, и вкус вдруг оказался знакомым, будто я ела такие всю жизнь, просто забыла. И в этот момент кулон под свитером чуть потеплел — ровно, спокойно, как будто шепнул: «Всё правильно. Ты там, где должна быть».

Женщина чуть наклонила голову, будто прислушивалась не к моим словам, а к тишине между ними, и наконец заговорила — не торопясь, ровно, так, будто эти слова она репетировала годами, чтобы не сбиться, не добавить лишнего, не потерять главное.

— Ты не из этого мира, — проговорила она, и в её голосе не было ни восторга, ни драмы, только спокойная уверенность человека, который столько раз произносил эту фразу про себя, что теперь она звучала как самая обычная правда, вроде «сегодня пасмурно» или «хлеб надо есть тёплым». — Ты родилась в богатой и знатной семье, в мире, где магия — не сказка, а воздух, которым дышат. Твой род был древним, уважаемым, и твоя бабушка… она была не просто хранительницей традиций. Она великая ведьма.

— А потом случилась беда, — продолжила она, и голос её чуть дрогнул, но она тут же выровняла его, будто не хотела, чтобы я видела её слабость. — Между твоей мамой и бабушкой вспыхнула ссора. Не из-за пустяков, не из-за чашки или платья, а из-за самой сути: как жить, как распоряжаться

силой, кому доверять будущее рода. Твоя мама… она была гордой, упрямой, и ей казалось, что бабушка слишком крепко держит всё в руках, не даёт дышать. И она решила сделать самое болезненное, что могла: забрать тебя и спрятать. Не просто увезти, а спрятать так, чтобы даже великая ведьма не могла найти. Она использовала сильные чары, смешала твою ауру с чужой землёй, с чужими следами, с шумом больших городов, где магия тонет в электричестве и спешке. Она хотела сделать больно бабушке. А получилось — сделать больно всем.

Я невольно коснулась кулона под свитером. Он снова был тёплым, не обжигающим, а таким, будто пытался удержать меня на месте, не дать вскочить и выбежать за дверь.

— И куда же делась мама? — прошептала я.

Женщина поджала губы, и на секунду в её взгляде мелькнула тень, от которой у меня похолодели пальцы.

— Это тебе расскажет бабушка, — повторила она твёрдо, но уже мягче, без нажима, скорее как человек, который знает, где проходит граница чужой боли и не хочет её переступать. — Я должна была подготовить тебя к тому, что мир не такой простой, каким ты его знала. Остальное — её право. Её история. И её право рассказать её тебе.

Кот, до этого молча сидевший на стуле, тихо фыркнул.

Я резко встала, и стул чуть не опрокинулся — я вовремя его подхватила, но этот неловкий жест только подлил масла в огонь: он выдал, как сильно у меня дрожат руки. В комнате

вдруг стало слишком тепло, будто печка решила разойтись вовсю, и этот запах пирожков, ещё минуту назад такой уютный, теперь давил, лип к коже, мешал дышать.

— Это всё, конечно, хорошо, — проговорила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, как тогда, когда я сообщала родственникам тяжёлый диагноз: ровно, без дрожи, будто внутри у меня стальная перегородка, которая не даёт эмоциям прорваться наружу. — Но мне пора домой. Мне жаль, что я потеряла столько времени на то, чтобы послушать вашу сказку.

Женщина не вскочила, не стала хватать меня за рукав, не пыталась удержать. Она просто сидела, сложив руки на коленях, и смотрела на меня так спокойно.

Кот сидел, вылизывал лапу, будто вся эта паника была не про него, а про какой-то скучный сквозняк, который сейчас сам собой уляжется. Потом поднял голову, посмотрел на меня своими чёрными, бездонными глазами — и проговорил, спокойно, чуть насмешливо, как говорят старому знакомому, который опять устроил сцену из-за пустяка:

— Да ты с характером, дорогуша. Мне такие нравятся. Мур.

Я отшатнулась, будто от удара, и вжалась спиной в косяк — он был шершавым, настоящим, и я цеплялась за эту шершавость, как за доказательство, что я ещё стою на своих ногах, а не лежу где-нибудь в палате с капельницей, и всё это — бред горячечного сна.

— Вы что мне дали?! — крикнула я, голос сорвался на хриплый визг, совсем не похожий на мой обычный, ровный тон медсестры, которым я так гордилась. Я переводила взгляд с женщины на кота и обратно, будто если смотреть достаточно быстро, один из них обязательно превратится в обычного человека или в обычную кошку, и весь этот театр рассыплется на куски. — Какие препараты?! Галлюциногены?! Транквилизаторы?! Что вы подсыпали в чай?!

Я зажмурилась. Сильно. До цветных вспышек под веками. Посчитала про себя до пяти. Медленно, как учили на курсах по стрессоустойчивости: вдох на четыре, выдох на шесть. «Это не работает, когда тебе подмешали химию», — мелькнуло в голове, и от этой мысли стало только страшнее.

Снова открыла глаза. Кот всё так же сидел. Женщина стояла у стола, не приближаясь, не делая резких движений — как с напуганным пациентом, который вот-вот сорвётся и выбежит в коридор. Только в её взгляде не было профессионального спокойствия. В нём была усталость. И что-то ещё… жалость? Нет, не жалость. Это было похоже на то, как смотрят на ребёнка, который кричит, что в шкафу монстр, а ты знаешь, что монстр там и правда есть, но пока нельзя об этом говорить.

— Никаких препаратов, Ира, — сказала она тихо, почти шёпотом, чтобы не спугнуть. — Ни химии, ни трав, ни зелий. То, что ты слышишь — это не действие на тело. Это действие на восприятие. Ты просто… начала видеть то, что

всегда было рядом, но ты старательно отворачивалась.

— Не надо мне этих сказок про восприятие! — я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль была острой, настоящей. «Если я чувствую боль, значит, я не сплю. Значит, это происходит. Но тогда… тогда он правда говорит?»

Кот фыркнул, будто прочитал мои мысли и нашёл их ужасно наивными.

— Если хочешь, я могу вообще не разговаривать, — пробурчал он, отворачиваясь, будто обиженный, но при этом в его позе всё равно сквозило какое-то самодовольное удовлетворение, как у кота, который только что стащил сметану и знает, что его не накажут. — Но ты же не поверишь, что я просто мяукать умею. Ты будешь думать, что это тоже галлюцинация. А мне обидно. Я столько ждал, пока ты сюда доберёшься, а ты сразу «препараты, химия».

Я покачала головой, чувствуя, как по щекам катятся слёзы — не от горя, а от этого чудовищного, невыносимого несоответствия между тем, что должно быть, и тем, что есть.

— Я медсестра, — проговорила я, скорее себе, чем им, цепляясь за это слово, как за спасательный круг. — Я знаю, как работает нервная система. Коты не разговаривают. Люди не живут в домах, которые внутри больше, чем снаружи. Бабушек-ведьм не бывает.

Женщина медленно подошла, но остановилась в паре шагов, не вторгаясь в моё личное пространство.

Вот видишь, для этого я тебя и позвала — чтобы хоть

немного подготовить, объяснить, что к чему. Твоя бабушка… ох, властная женщина, да. Она хотела, чтобы тебя немедленно доставили к ней — и не терпела ни возражений, ни промедления.

Я решила по-своему. Ты должна знать хоть немного о мире. А потом дом задрожал — не просто стенами, а самой своей сутью: будто фундамент вспомнил какую-то древнюю, забытую дрожь, будто сам воздух на миг перестал быть послушным и взбунтовался.

Деревянные балки тихо застонали, где-то вверху щёлкнуло, словно кто-то провёл ногтем по стеклу. Чашка на полке дрогнула и, звякнув, придвинулась к краю — будто пыталась сбежать. Тени в углах стали гуще, будто налились чернилами, и на секунду показалось, что дом не просто дрожит — он дышит, тяжело и неровно, будто борется с чем-то внутри себя.

И в этой дрожи было что-то большее, чем просто движение стен. В ней чувствовалось предупреждение.

— Я не успела… — проговорила женщина, и голос её дрогнул, будто слова цеплялись за воздух, не желая уходить. — Вот, возьми платок. Этот. Да спрячь ты его, — проговорила она строго, но в строгости этой слышалась не злость — а отчаянная забота, та самая, что прячется за резкими словами, когда времени почти не осталось.

Она схватила мою руку, вложила в неё ткань — лёгкую, тонкую, но странно тёплую, будто впитавшую чьё-то долгое

дыхание. Края платка были неровно подшиты, а в одном углу тускло поблёскивала крошечная серебряная нить, словно кто-то пытался удержать в нём свет.

— Как будет плохо тебе совсем — достань его. Помни: помаши им — и портал ко мне появится. Смело шагай, я помогу. Но запомни, только если совсем худо будет. По пустяку не трогай его. Это не игрушка, не спасение от мелких бед. Он откликается лишь тогда, когда земля уходит из-под ног, когда кажется, что выхода нет вовсе.

Её пальцы на миг сжали мои, крепко, до лёгкой боли, будто хотели передать не только платок, но и часть своей силы. А потом она отступила на шаг, и в её глазах мелькнуло что-то древнее, усталое — будто она уже видела, что грядет, и это знание тянуло её вниз, как тяжёлый плащ.

Одна из дверей распахнулась с глухим, тяжёлым стуком — будто не петли скрипнули, а сама стена неохотно уступила дорогу. И оттуда вышли двое мужчин в красивой золотой форме. Ткань отливала не просто блеском — в ней будто застыли отголоски солнечного света, а тонкие узоры по рукавам напоминали языки пламени, вытканные золотом.

Они были высокие, мускулистые, сильные — но дело было даже не в теле, а в том, как они держались: будто воздух вокруг них становился плотнее, гуще, подчинялся их шагу. От них веяло силой — не грубой, а холодной, отточенной, как лезвие. В каждом движении чувствовалась выучка, привычка повелевать пространством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.